

ДАНИЕЛА
ХАРМОН

*Убежденный
холостяк*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
X21

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Danelle Harmon
THE DEFIANT ONE

Перевод с английского *М. Л. Павлычевой*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency and The Van Lear Agency.

Хармон, Данелла.

X21 Убежденный холостяк : [роман] / Данелла Хармон ;
[перевод с английского М. Л. Павлычевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-111045-1

Как убежденный холостяк сэр Эндрю де Монфор и благопристойная барышня леди Челси Блейк оказались в одной спальне, в обстоятельствах настолько компрометирующих, что единственное, что может сделать теперь сэр Эндрю, — это немедленно жениться на обесчещенной девушке?

Что бы ни стало тому причиной, казалось бы, для обоих все сложилось как нельзя хуже: Эндрю придется жениться, а девушке — стать узницей в браке без любви... Только вот Эндрю не в силах устоять перед чарами Челси, и та в скором времени понимает, что отвечает ему взаимностью.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Danelle Harmon, 2000
© Перевод. М.Л. Павлычева, 2026
ISBN 978-5-17-111045-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Пролог

*Ноябрь 1777 года, замок Блэкхит
Беркшир, Англия*

Лорду Эндрю де Монфору никогда не пришла бы в голову мысль создать возбуждающее средство.

Он был изобретателем, человеком науки. Прилежным и вдумчивым ученым, исследовавшим законы природы и движения небесных тел, а отнюдь не легкомысленным дилетантом или любознательным школяром, который наобум смешивает химические реактивы в надежде получить новый краситель или устроить взрыв. Однако возбуждающее средство явилось результатом именно такого случайного смешивания, приведшего к довольно интересной химической реакции.

Все началось с того, что Эндрю в очередной раз крупно поссорился со своим до невозможности назойливым и беспринципным старшим братом Люсьеном, его сиятельством пятым герцогом Блэкхитом. Причиной ссоры опять стало слабое здоровье Эндрю. После пожара, перевернувшего жизнь младшего из братьев де Монфор, Люсьен постоянно пытался вылечить его, призывая на помощь выдающихся специалистов в разных областях медицины.

Всех четырех сыновей покойного герцога жители деревни Рейвенскомб наградили прозвищами. Эндрю — причем вполне заслуженно — называли Упрямым. Господь одарил его — или, возможно, наказал — буйным темпераментом и сильной волей. Желания старшего брата, трепетно относившегося к герцогским обязанностям, вызывали у него пренебрежение, и он хотел только одного — чтобы его оставили в покое.

Эндрю мечтал получить патент на свое последнее изобретение — карету, которая состояла из двух отделений и могла вместить значительно больше пассажиров, чем обычная. Одиннадцать месяцев назад во время весьма печально закончившейся демонстрации его летательного аппарата он опозорился не только перед двумя сотнями зрителей, но и перед самим королем, и надеялся, что новое изобретение реабилитирует его в глазах общества ученых. А еще Эндрю мечтал о том, чтобы Люсьен прекратил водить в дом этих безмозглых шарлатанов — врачей, знахарей, священников в черных балахонах. Никто из них не мог определить, что с ним такое.

Залаяли собаки. Эндрю, стоявший у шкафа и изучавший книгу с рисунками Леонардо да Винчи, поднял голову и посмотрел на Люсьена, который, тоже с книгой в руках, сидел у камина. Удивившись, что брат никак не реагирует на шум, Эндрю выглянул в окно. По мощенной камнем дороге, отгороженной буковой аллеей от ухоженных газонов, катила двуколка. Выражение лица Эндрю мгновенно изменилось. «Черт бы побрал Люсьена!»

В сердцах бросив книгу на стол, он прошел мимо брата и взялся за ручку двери.

— Ты обнаружил что-то интересное, а, Эндрю? — с невинным видом осведомился Люсьен, поднимая голову.

Тот резко повернулся и устремил на брата пылающий взгляд:

— Я обнаружил, что к нам опять пожаловал какой-то назойливый индюк. Уверен, что его пригласил ты. Тебе надо, чтобы он потыкал меня своими иголками и ощупал с ног до головы. Но мне-то это ни к чему!

— Да, но, возможно, доктору Тернеру удастся определить твою болезнь.

— Черта с два! Моя болезнь только усиливается, и ты знаешь об этом не хуже меня. Ее нельзя излечить.

— Именно по этой причине я и попросил доктора Тернера тебя осмотреть. Он большое светило в медицине.

— А может, я этого не хочу! Я не хочу, чтобы какие-то лекаришки, думающие только о гонораре, тарасились на меня, словно я юродивый на деревенской ярмарке. Мне до смерти надоело, что на меня смотрят как на бесчувственное и безмозглое существо, лишенное гордости. Лучше займись собственными делами.

Эндрю вылетел из библиотеки, громко хлопнув дверью.

Он шел по коридору, и гнев, негодование и — да! — страх перед тем, что одно из этих «светил» поставит диагноз, росли с каждым шагом, укрепляя его в решении не встречаться с очередным шарлатаном.

Эндрю вихрем ворвался в холл. У него был такой грозный вид, что три горничные, которые обычно хихикали в ладошку, когда он проходил мимо, на

этот раз присели в почтительных реверансах, а потом молча смотрели ему вслед.

— Наверное, опять поругался с его милостью, — со вздохом проговорила одна из них, когда широкая спина Эндрю скрылась за поворотом коридора.

— Уж наверняка. И, кажется, я знаю из-за чего. Лорд Эндрю гораздо умнее все этих докторов и прочих ученых господ! Он ведь учился в Оксфорде! Думаю, они надоели ему хуже горькой редьки.

— Неудивительно. Он такой умный, что сам бы мог их поучить!

Эндрю, конечно, не слышал этих слов. Он поднялся в лабораторию, расположенную на втором этаже недавно отремонтированного крыла. Заперев дверь, он налил себе портвейна и залпом выпил его, а потом, мысленно проклиная брата за его ухищрения, сел за стол и вытянул ноги. Неожиданно его ступни уперлись во что-то мягкое. Он заглянул под стол. Из полумрака на него смотрели карие глаза, четко выделявшиеся на рыжей мордочке.

— Эсмеральда! — воскликнул он.

Длинный хвост рыжего в белых пятнах сеттера дробно застучал по полу.

Эндрю всегда держал на столе коробку с бисквитами. Взяв один, он предложил его собаке. Будучи истинной леди, Эсмеральда осторожно взяла угощение, прожевала его и устремила на Эндрю просительный взгляд.

Как оказалось, Эсмеральда была под столом не одна. Рядом с ней примостился толстяк Порк, ее верный спутник. Бульдог принадлежал сестре Эндрю Нериссе и славился простецкими манерами. Увидев, что Эсмеральда получила угощение, и посчитав себя обделенным, он потрусил к Эндрю. Тот,

зная, что Порку есть рано, но решив, что все должно быть по справедливости, взял из коробки бисквит и протянул бульдогу, который проглотил его не жуя. Затем он принялся обнюхивать морду Эсмеральды, и та, возмущенная столь бесцеремонным поведением, отвернулась. Она была такой же породистой, как герцоги Блэкхиты, и не желала принимать знаки внимания какого-то дурно воспитанного пса.

Возможно, общение с собаками и развеселило бы Эндрю, однако этому помешал хруст гравия на подъездной аллее. Подскочив к окну, он увидел, что двуколка стоит у дверей и доктора в ней нет. «Значит, — подумал он, чувствуя, что у него начинают гореть уши, — они сидят внизу и обсуждают меня, как будто я неодушевленный предмет. Возможно, именно в эту секунду они идут сюда, к моему убежищу!»

Эндрю живо представил, как Люсьен поднимается по лестнице и в своей учтивой и неторопливой манере — его манера вести беседу способна любого довести до белого каления! — описывает гостю состояние брата: «Видите ли, доктор, до пожара, случившегося в прошлом году, с моим братом все было в порядке. А вот потом...»

Эндрю стиснул зубы. «Люсьен, ну почему бы тебе не сказать все прямо? Мы оба знаем, что со мной не так».

В его душе с новой силой вспыхнул гнев. «К черту Люсьена! К черту их всех!»

Плотно сжав губы, Эндрю вернулся к столу, разгреб в стороны свои записи, освобождая небольшой пятачок, и насыпал в мензурку немного двууглекислого натрия.

— Гнусные негодяи, — процедил он, стараясь не думать о том, что происходит внизу, рассеянно плес-

нул в мензурку купоросного масла и принялся наблюдать, как шипит смесь. — Несчастные приставучие ублюдки!

Он налил себе еще портвейна. Это было вино 1754 года — года, когда родился Эндрю, — из личных запасов Люсьена. Он одним глотком выпил почти две трети стакана, а затем, как бы демонстрируя своему брату, что думает о нем самом и его портвейне, вылил остатки в мензурку. «К дьяволу!» Потом он добавил в смесь уксуса, немного абсолютно безвредного индиго и еще чего-то из банки без надписи — он уже не помнил, что там лежало.

Невидящим взором уставившись на мензурку, Эндрю лелеял свой гнев. Вдруг громкий стук в дверь вывел его из задумчивости. Залаяв, собаки вскочили. Неуклюжий Порк задел ножку стола, и мензурка закачалась. Чертыхаясь, Эндрю успел подхватить ее, однако часть содержимого все же вылилась, и на полу образовалась шипящая и пузырящаяся пурпурно-красная лужа, которую собаки тут же принялись вылизывать. Испугавшись, что они отравятся, Эндрю попытался отогнать их.

— Эндрю, открой дверь!

— Иди к черту! — заорал юноша, перекрикивая лай собак, и, схватив со стола тряпку, начал вытирать лужу.

— Эндрю, — голос Люсьена все еще звучал мягко, однако чувствовалось, что герцог на пределе, — доктор Тернер прервал свои исследования и приехал сюда из Парижа исключительно ради тебя. Мы желаем тебе добра.

— Я устал от тех, кто считает, будто делает мне добро!

— Ты ведешь себя как ребенок.

Зашвырнув тряпку в противоположный конец комнаты, Эндрю подлетел к двери и распахнул ее.

Герцог, как всегда, остался невозмутим, только поднял одну бровь, выражая упрек. В следующую секунду его лицо стало надменным — он овладел искусством демонстрировать свое пренебрежение еще тогда, когда пешком ходил под стол, — а взгляд устремился поверх плеча брата.

Рядом с герцогом стоял высокий седой мужчина с добрыми, умными глазами и тоже с изумлением смотрел куда-то позади Эндрю.

Нахмурившись, тот повернулся и застыл как вкопанный.

Толстый Порк, выпучив глаза, пытался взобраться на Эсмеральду. А Эсмеральда не только не возражала, но даже подставляла ему свои аристократические бедра!

— Боже мой! — выдохнул Эндрю. — Кажется, я создал возбуждающее средство!

Глава 1

*Роузбрайар-Парк,
окрестности Виндзора, Англия*

— Пусть он восхищается мной, Джеральд, я все равно за него не выйду. У него нет подбородка. И зубов. У него есть только имя, и если я приму его предложение, то стану посмешищем всей Англии. Повторяю: я не выйду за него.

— Послушай, Челси, ты ведешь себя глу...

— Глупо? А тебе бы понравилось, если бы ты вдруг стал известен под именем Челси Бонкли*? Я уже говорила тебе и повторяю еще раз: я не выйду за сэра Гарольда. Ни сегодня, ни через неделю — никогда.

Джеральд, по уши залезший в долги третий граф Сомерфилд, старался сохранять терпение и не обращать внимания на головную боль и лай тридцати или сорока собак, свободно бегавших среди гостей. Здесь, в танцевальном зале Роузбрайар-Парка, поместья его сводной сестры, собрались сливки общества: увешанные орденами генералы, французские принцы, шотландские лэрды, видные государствен-

* Имя образовано от глагола to bonk (трахать, трахаться). —
Здесь и далее примеч. пер.

ные деятели. Непосвященный мог бы посчитать, что девушке, имеющей такие знакомства, не составит труда найти себе подходящего жениха. Да, но только не Челси. У нее были свои критерии, и Джеральд уже начал сомневаться в том, что на свете существует мужчина, соответствующий ее требованиям.

— Кроме того, — добавила Челси, похлопав его веером, на котором был нарисован волкодав, — он еще не сделал мне предложения.

— А что ты ответишь ему, когда сделает?

— То же, что и всем, кто просил моей руки.

— Черт побери, Челси, только не это!

— Именно это. — Девушка лукаво улыбнулась, наслаждаясь его замешательством. — Честно говоря, Джеральд, я не понимаю, чем ты расстроен. Я знаю, что Бонкли твой друг, но я действительно не хочу выходить замуж. Помнишь, что случилось со мной в прошлый раз, когда я согласилась стать женой.

— Послушай, Челси, то, что лорд Хэммонд умер во время празднования помолвки, еще не значит, что и следующий жених задохнется, поперхнувшись горошиной!

— Да, но ты забыл маркиза де Плюссона.

— Маркиз пошел на попятную, потому что его укусила твоя собака, будь она проклята!

— Возможно, Джеральд, но я так часто ходила к алтарю, что у меня разболелись ноги. У меня нет желания повторять этот путь. Признаюсь, и в первый раз я этого не хотела — не говоря уже о втором, — но папа, упокой Господь его душу, решил, будто знает, что мне нужно. Я устала от тех, кто стремится делать мне добро. И от тебя с твоими попытками в третий раз выдать меня замуж. Интересно, а что отпугнет его?

— Зараза, которую приносят собаки, — холодно произнес Джеральд.

— Вряд ли — мои собаки не будут лизать в лицо того, у кого изо рта воняет хуже, чем из ночного горшка.

— Боже, неужели нельзя говорить потише! — Он пнул симпатичную таксу, которая имела неосторожность заинтересоваться его ботинком. — И так о тебе уже судачат!

Челси мило улыбнулась:

— Разве?

— Да, и тебе это прекрасно известно! Иногда я готов поклясться, что тебе нравится привлекать к себе внимание и вызывать пересуды. Кому еще пришлось бы в голову устроить благотворительный бал в помощь бездомным животным! Только ты могла выступить перед гостями с такой глупой речью, призывая пожалеть ломовых лошадей, бродячих кошек и собак! Более того, ты не только потребовала, чтобы все пожертвовали время и деньги на эту чепуху, но и предложила им привести своих питомцев! Смотри, что здесь творится! Настоящий бедлам! Брысь от моей ноги! Клянусь, Челси, если я еще раз вляпаюсь в кучу...

— Между прочим, меня мучает жажда, — с деланой веселостью сказала девушка.

На ее лице играла улыбка, но глаза горели гневом. Боже, как же она устала от Джеральда с его бесконечными упреками! Ну почему он так настойчив в желании выдать ее замуж? Почему он считает, будто имеет право вмешиваться в ее дела? И вообще, ее речь не была глупой, она была страстной! Господи!

Подхватив на руки таксу, Челси повернулась спиной к побагровевшему от бешенства Джеральду и направилась к столам с напитками.

Она шла по залу, сопровождаемая возбужденным шепотом. Ей казалось, что она слышит каждое слово даже сквозь лай собак, смех гостей и музыку.

«Только взгляните на нее! Какая жалость, что она родилась женщиной! Будь она мужчиной, она бы научила наших пэров в парламенте, как надо произносить речи! Ха-ха-ха!»

«Не могу поверить, что это то самое робкое создание, которому мы писали записочки! Помнишь, какой она была, когда впервые появилась в свете?»

«Безобразной. Бедняжка выглядела ужасно».

«А еще тупой и болтливой».

«Тонтон, помнишь, как ты разыграл ее, и она рыдала, когда ее представили ко двору? Боже, как было весело!»

«А пятна? Пятна на лице, как глазки на картофелине».

«Кажется, у нее вовсе не было груди».

«Взгляни, ее и теперь нет».

«Верно, зато она владеет половиной южной Англии. Так что на остальное можно не смотреть. К черту остальное!»

«Да, — с горечью думала Челси, прижимаясь щекой к собачке, — к черту остальное! И к черту всех вас!»

Она гордо вскинула голову. Хотя ее и называли в честь самого романтического из всех цветов, она отнюдь не английская роза. Она слишком высока и худа. Острый подбородок, тонкий нос, высокие скулы и зеленые глаза, холодные, как лист мяты. Говорят, что она похожа на собаку. Да, она действительно похожа на тощую борзую.

Однако она богата, не так ли? А это, размышляла Челси, делает ее куда более желанной невестой, чем

любую пышнотелую красавицу с румянцем на щеках — объект восхищения большинства мужчин.

Да, к черту всех вас! Челси остановилась у стола, выпустила таксу и, взяв с блюда горсть миндаля в сахаре, принялась выманывать из-под скатерти испуганного уипета. Ее собственная собака, большой бело-коричневый испанский пойнтер, — отец подарил его, когда ей было десять лет, — лежал под столом и снисходительно наблюдал, как другие выются вокруг его хозяйки.

Челси надеялась, что возня с собаками поможет ей забыть так сильно ранившие душу слова. Хорошо, что хоть Джеральд не скрывает своего презрения. Да и ее собственная матушка, которая с удивительной прытью меняет одну постель на другую, открыто выразила свое пренебрежение, когда обнаружилось, что дочь не унаследовала ее совершенной красоты. Как же больно! Собаки — вот кто верен ей и любит ее такой, какая она есть, не за внешность, не за манеры и не за деньги, которые дорогой папочка оставил ей в наследство.

Ах, если бы на свете существовал мужчина, способный любить столь же искренне, как собаки! Но это так же невозможно, как пуделю загнать дикого кабана.

Выпрямившись, Челси отряхнула ладони и огляделась по сторонам. Вокруг мелькали напудренные лица, в глазах рябило от обилия ярких красок. Женщины весело смеялись, флиртуя с мужчинами, среди которых, к сожалению, было мало высоких и красивых, и даже атласные камзолы и парики не делали их более элегантными. Челси почувствовала себя чужой. Она лишняя в собственном доме! Но она не станет портить себе настроение мыслями о жесто-

кости и ограниченности людей, ведь она хозяйка этого бала, устроенного для того, чтобы привлечь внимание к бедственному положению такс — этих очаровательных собачек, которых кухарки безжалостно используют для вращения вертела с жарящимся мясом.

На лицо Челси снова вернулась улыбка. Она взяла с подноса бокал вина и внезапно краем глаза заметила, что к ней через толпу с разных сторон зала пробираются Джеральд и Тонтон. О господи!

— Пора подышать свежим воздухом, — сказала она, отдавая свой бокал Джеральду — он добрался до нее первым. — А вон и Тонтон, он нацелился на меня, как бигль на зайца.

— Слушай, Челси, почему все твои аналогии связаны с собаками?

Челси уже собралась ответить очередной колкостью, когда дворецкий объявил о приезде новых гостей:

— Его сиятельство герцог Блэкхит, лорд Эндрю де Монфор, леди Нерисса де Монфор!

В зале воцарилась тишина, и даже собаки перестали лаять. Взгляды тех, кто считал себя значительной персоной или хотя бы претендовал на такое звание, устремились на вновь прибывших. Их приветствовали поклонами, радостными возгласами и улыбками.

«Подхалимы, — думала Челси, ненавидевшая ловцов удачи и дармоедов, — все они подхалимы!»

Однако она тоже обрадовалась приезду герцога, потому что присутствие де Монфоров, известных своими щедрыми пожертвованиями на благо общества, придавало ее балу совершенно иной статус.

— А, леди Челси!